

"My Life."

Prof. D. Poore

Seen on 28.1.81

Bellevue

N.R.

—

Ж И З Н Ь

Не легко описать жизнь, в ней было столько разнообразия. Некоторые даже называли это разнообразие противоречиями. Конечно, они не знали, из каких импульсов и обстоятельств складывались многие виды труда. Назовем эти особенности жизни именно трудом. Ведь все происходило не для личного какого-то удовлетворения, но именно ради полезного труда и строительства. На наших глазах многих полезных деятелей обвиняли в эгоизме, ради которого они будто бы исключительно творили. Нам приходилось слышать такие обвинения и о Толстом, в отношении братьев Третьяковых, и о Куинджи, и о кн. Тенишевой, и о Терещенко и о многих других, слагавших незабываемо полезное народное сокровище. Завистники шептали, что все эти поборники и собиратели действуют исключительно из самолюбия и ожидают каких-то высоких наградений. Когда мы говорили "но что, если вы клеветаете, и доброе строительство происходит из побуждений гораздо более высоких и человеческих?", гомункулы усмехались и шептали: "Вы не знаете человеческой природы". Очевидно они судили по себе, и ничего более достойного их мышление и не могло вообразить.

Даже дневник очень трудно вести. Не было тихих времен. Каждый день происходило столько неожиданного разнообразного, что на близком расстоянии часто совершенно невозможно представить себе, что именно будет наиболее значительным и оставит по себе продолжительный след. Иногда как бы происходит нечто очень житейски существенное, а затем оно превращается в пустое место. Лучше всего обернуться на жизнь на расстоянии. Произойдет не только переоценка событий, но и настоящая оценка друзей и врагов. Приходилось писать "друзей и врагов не считай" — это наблюдение с годами становилось все прочнее. Сколько так называемых врагов оказались в лучшем сотрудничестве и сколько так называемых друзей не только отвалились, но и впали во вредительство, в живое бесстыдное злословие. А ведь люди особенно любят выслушать таких "друзей". По людскому мирскому мнению, такие "друзья" должны знать нечто особенное. Именно о таких "друзьях" в свое время Куинджи говорил, когда ему передали о гнусной о нем клевете: "Странно, а ведь этому человеку я никогда добра не сделал".

Какая эпика скорби сказывала в этом суждении.

Но о радостях будем вспоминать, жизнь есть радость.

САМОЕ ПЕРВОЕ

"На Васильевском славном острове,
Как на пристани корабельные,
Молодой матрос корабли снастил
О двенадцати белых парусах..."

Тонким голоском пелась старинная Петровская песня. А кто пел? — того не помню. Вернее всего Марья Ильинишна, старушка, "гаванская чиновница", приходившая из Галерной гавани посидеть с больным, сказку сказать и о хозяйстве потолковать.

Так и жили на Васильевском острове, на набережной против Николаевского моста. Наискось было Новое Адмиралтейство. На спуск военных судов приходили крейсера и палили прямо нам в окна. Весело гремели салюты и клубились белые облачка дыма. На набережной стоял памятник адмиралу Крузенштерну. Много плавал, открыл новые земли. Запомнилось о новых землях.

А вот и первое сочинение — песня: "Садат бадат огинись азад. Ом коську дият, тебе апку дудут". Дядя Коркунов за такое сочинительство подарил золотые папочные латы. Двух лет не было, а памятки связались с Изварою, с лесистым помещением около станции Волосово в сорока верстах от Гатчины.

Все особенное, все милое и памятное связано с летними месяцами в Изваре. Название от индусского слова Исвара. Во времена Екатерины неподалеку жил какой-то индусский раджа.

Дом изварский старый, стены как крепостные, небось и по сейчас стоит. Все в нем было милое. В прихожей пахло яблоками. В зале висели копии голландских картин в николаевских рамах. Большие угольные диваны красного бархата. Столовая — ясная. Высокий стенной буфет. За окнами старые ели. Для гостей одна комната зеленая, другая голубая. Но это не важно, а вот важно приехать в Извару. Шуршат колеса ландо по гравию. Вот и белые стобы ворот. Четверка бежит бойко. Вот то было славно. Желанка, Красавчик, Принц и Николаевна. Кучер Селифан. Деревни — Волосово, Захонье, Заполье, — там даже в сухое время лужи непролазные. От большой дороги сворот в Извару.

Ландо шуршит по гравию мимо рабочего двора, среди аллей парка. А там радость. За березами и жимолостью забелел дом. И все-то так мило, так нравится, тем-то и запомнилось через все годы.

4

Нужно сразу все обежать. Со времен екатеринских амбар стоит недалеко от дома — длинный желтый с белыми колонками. Должно быть, зерно верно хранится подле хозяйского глаза. По прямой аллее надо бежать к озеру. Ключи не замерзают зимой. Дымятся, парят среди снегов, вода светлая и ледяная. Дикае утки и гуси тут же у берега. На берегу озера молочная из дикого камня — очень красиво, вроде крепостной стены. Такой же старинной постройки и длинный скотный двор. Быки — на цепях. К ним хрдить не позволено. Такие же длинные конюшни. За ними белое гумно, картофельные погреба. Один из них сторел. Остались валы — отлично для игры в крепость.

После города первый обход самый занятный. Все опять ново. Но завтра опять станет хотя и милым, но обычным. А в первый день — все особенное. Новые жеребята, новые щенки, новый ручной волк. Надо навестить Ваську и Мишку — малышей вроде шотландских пони. Их потом подарили казенному лесничему, а ведь они считались моими.

Вот бы припомнить самое первое. Самое раннее. Тоже из самого раннего: старинная картина — гора при закате. Потом оказалось ничто иное как Канченджунга. Откуда? Как попала? В книге Ходсона была подобная гравюра. Картина с гравюры или гравюра с картины? Были кой-какие старинные вещи, но их как-то не ценили. В те годы отличную мебель выбрасывали на чердак и заменяли мягкой бесформенностью.

Вот бы вспомнить что-нибудь самое первое! Самое раннее! Вспомнишь и то и другое, но все это не самое первейшее.

1937 г.

Т Р И М Е Ч А

Меч деревянный.

Остров древний псковский город на реке Великой. Крепость на острове. 1879 год. Мы гостили у бабушки Татьяны Ивановны Коркуновой-Калашниковой. На Липенке — старинный дом с большим заросшим садом. Нижний этаж белый каменный, а верхний и чердак деревянные — охрянные, со ставнями и белыми наличниками окон. Под косогором Великая, а за ней парк какого-то большого поместья с белым екатерининским домом. В саду бабушки много ягод, немало и репейника. Хочется сразиться с этими драконами. Но меча нет. Впрочем во дворе живет строительный подрядчик Иван Иванович Чугунов. Все чай пьет вприкуску. У него всякие мастерские где-то. Он услышал про нужду в мече и скоренько принес новенький. Хорошо сделано, и ручка вырезана с навершием и длина хороша. Одно горе — меч-то липовый, деревянный, а выкрашен под медь. Нечего делать, и такой послужит. Много драконов было сражено в бабушкином саду...

Меч железный.

1896 год. Академия Художеств. Уже складывается сюита "Славяне". Задуман: "Гонец: восстал род на род" и "Сходятся старцы", и "Поход", и "Город строят". Читаются летописи. Стасов открывает сокровища Публичной библиотеки. В Изваре из старого птичника переделана мастерская. Собраны волчьи и рысьи меха. Нужно славянам и оружие. В придорожной кузне почерневший кузнец кует меч, настоящий, железный, точь-в-точь как мы находили в курганах. Долго этот меч находился в кладовой. Юрий помнит его.

Меч огненный.

1913 год. Спящим стражам приносится меч огненный. "Меч мужества" понадобился. Приходят сроки. Тогда же и в начале 1914 года спешно пишутся: "Зарево" — с бельгийским львом, "Крик змея", "Короны" — улетающие, "Дела человеческие", "Город обреченный" и все те картины, смысл которых мы после опняли.

Меч огненный — к новым вратам. А вот 1931 год и все три меча напомнились. В Западном Тибете на скалах высечены издревле три меча. Граница ли? Победа ли? Знак трех мечей встал в памяти.

Р А Д О С Т Ь

Одна из первых радостей была в музыке. Приходил к нам старенький слепой настройщик. Приводила его внучка. После настройки рояля он всегда что-нибудь играл. Рояль был хороший — Блютнер с надписью Лешетицкого. Слепой настройщик должно быть был отличным музыкантом и игра его запомнилась.

Бывало ждешь не дождешься, когда кончится настройка. Как бы не помешал кто долгожданной игре. Гостиная была голубая, на стене — Канченджунга. Теперь знаю, что именно эта любимая гора была в розовом закате. Слепой играл что-то очень хорошее. Было удивительно, что слепой играет...

Потом — "Руслан и Людмила" и "Жизнь за царя" в Большом театре. Балеты: "Роксана", "Баядерка", "Дочь Фараона", "Корсар"... Казалось, что музыканты играют по золотым нотам. Приходил "господин с палочкой". Была забота, чтобы все в ложе скорей сели по местам. "Господин с палочкой пришел!" — так тревожно заявлялось в аванложу в боязни, что запоздают и начнут двигать стульями и говорить, а там уже волшебным образом играют по золотым листам. На занавесе была погоня фавна за амурами. Сто стороны фавна неприятно было сидеть в литерной ложе. Лучше всего, когда ложа оказывалась в середине...

Итальянская опера нравилась меньше. Мазини, Патти не поражали. "Риголетто", "Травиата", "Лючия" — что-то в них было чуждое. "Аида" и "Африканка" были ближе. Хор африканцев, певший почему-то о Бrame и Вишну, был подобран на рояле. Впрочем играть днем рядом с кабинетом отца не разрешалось.

Ужне много позднее открылся новый путь — Беляевские концерты, Римский-Корсаков — "Снегурочка". Далеко прослышалось имя Мусоргского, дяди Елены Ивановны.

С первого приезда Вагнеровского цикла мы были абонентами. Странно вспомнить, что люди, считавшиеся культурными, гремели против и считали Вагнера какофонией. Очевидно, каждое великое достижение должно пройти через горнило отрицания и глумления.

О Т Е Ц

Говорят: "Если хотите найти сведения о художнике, менее всего спрашивайте его родственников".

- Действительно, о своих люди менее всего знают. Что мы знали об отце? Мало что знали. Мельком слышали, что он работал по освобождению крестьян. Был членом Вольно-Экономического Общества.

- Знали, что друзьями его были Кавелин, Костомаров, Микешин, Мордовцев, Менделеев, Андреевский... Знали, что кроме юридической работы он писал драматические вещи. Но где они? Помню манускрипт одной драмы; он был писан мягким карандашом и стерся до неудобочитаемости.

- Был членом Сельскохозяйственного Клуба. Устроил в Изваре дорогую Сельскохозяйственную школу, но не захотел дать неизбежную взятку и школу прикрыли за левизну. Хотел устроить орошение крестьянских лугов шлюзами. Их растащили. Машины и локомотивы спалили. Ни за что!

- Помню волокиту с управляющими. Каких только не было. Один поляк, праздная сволочья, сжег скирды хлеба. Другой - немец с отличными белыми бакенами - увез машины и угнал скот. Стал переезжать из уезда в уезд и еще потребовал выкуп... Третий заколол перед Пасхой всех телят и объяснил, что они пали от неизвестной болезни... Чего только не было... Со времен Павла шел с казною процесс о строевом лесе, неправильно отмежеванном...

- Урывками слышали мы о делах, но внутренний облик отца оставался несказанным. Знали, что люди весьма ценили его юридические советы, доверяли ему. Помогал он в деле Добровольного Флота. Помню адмирала Кази, Бубнова.

- Не любил лечиться отец. Уже давно врачи требовали отдых. Но он не знал жизни без работы. Просили его не курить или уменьшить курение, ибо грозило отравление никотином, но он отвечал: "Курить - умереть и не курить - умереть".

- Много было недосказанного. Наверно были какие-то разочарования. Друзья поумирали раньше, а новые не подошли. Были какие-то рухнувшие построения. Лучшие мечты не исполнились. Мало кто, а может быть, и никто не знал, чем болело сердце.

Н А Ч А Л О

Было отвоевано право стать художником. Первые рисунки в "Звезде" и в "Иллюстрации". На ученической выставке в Академии (1896) "В Греках" - варяг в Царьграде. Подходит Соколов, хранитель Музея, спрашивает: "Отчего нет цены на варяге?" "А мне просто невдомек, что он кому-то нужен". "Но все-таки, сколько?" Отвечаю: "80 рублей" (думаю, не дорого ли?). Соколов улыбается: "Считайте проданной", подводит седоватого приветливого господина, - оказывается В.С.Кривенко. После Рушиц сердился за дешевую цену...

Волнительно было с "Гонцом" в 1897 при окончании Академии. Мы ушли из Академии вместе с Куинджи, его выжили великий князь Владимир и граф И.И.Толстой. Ожидали, что наше восстание за учителя будет осуждено Академией.

Так отчасти и случилось. Не могли не дать звания, но смотрели косо. Ко мне подходил Матэ и предлагал перейти в мастерскую Репина, а на следующий год ехать за границу. Отвечаю: "Василий Васильевич, помилуйте, ведь такая поездка на тридцать серебряников будет похожа". За нашего Архипа Ивановича мы дружно стояли. Где же был другой такой руководитель искусства и жизни?! Никакими заграничными командировками нельзя было оторвать от него. Помню, один клеветник шепнул ему: "Рерих вас продал", а Архип Иванович засмеялся: "Рерих мне цену знает...!" Знали цену Куинджи.

На конкурсную выставку приехал Третьяков. Наметил для Москвы: Рушица, Пурвита и моего "Гонца". Было большое ожидание. Наконец Третьяков подходит: "Отдадите "Гонца" за 800 рублей?" А он стоил тысячу, о чем говорить! Пришел Третьяков ко мне наверх в мастерскую. Расспрашивал о дальнейших планах. Узнал, что "Гонец: восстал род на род" - первая из серии "Славяне". Просил извещать, когда остальные будут готовы. Жаль, скоро умер и серия распалась.

"Сходятся старцы" - в Калифорнии. "Зловещие" - в Русском Музее. "Поход" - не знаю, где. Только "Город строят" Серовым и Остроуховым куплен в Третьяковку уже с Дягилевской выставкой. Сколько шуму было при этой покупке. Ругали, ругали - потом привыкли. Розанов хорошо написал.

УНИВЕРСИТЕТ

Семейный Гордиев узел был разрешен тем, что вместо Исторического факультета я поступлю на Юридический, но зато буду держать экзамен и в Академию Художеств. В конце концов получилось, что на юридическом факультете сдавались экзамены, а на историческом слушались лекции.

Слушал Платонова, Веселовского, Кареева, иногда Брауна. Из юристов — Сергеевича, Фойницкого. На государственном экзамене Ефимов, уже знавший моего "Гонца", спрашивает: "На что вам Римское право, ведь наверное к нему больше не вернетесь". Был прав, но все же история русского права и римское право остались любимыми. Жаль, что философию права читал Бершадский — как горох из мешка сыпал. Коркунов иногда бывал увлекателен.

Зачетное сочинение: "Правовое положение художников древней Руси". Пригодилась и Русская Правда и Летописи, и Стоглав, и Акты Археографической Комиссии. В древней, в самой древней Руси много знаков культуры; наша древнейшая литература вовсе не так бедна, как ее хотели представить западники. Но надо подойти к ней без предубеждения — научно.

С историками сложились особые отношения. Спицын и Платонов уже провели меня в члены Русского Археологического Общества. В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологое, в имении кн. П.А.Путятина я встретил Ладу, спутницу и вдохновительницу. Радость!

Университету, сравнительно с Академией Художеств, уделялось все же меньше времени. Из студентов юристов помню: Серебrenицкого, Мулюкина, Захарова, но встречаться с ними с дальнейшим не пришлось. Были приглашения бывать на семинариях и в юридическом обществе, но времени не находилось.

Университет остался полезным эпизодом. Дома у нас бывали Менделеев, Советов, восточники Голстунский и Позднеев. Закладывался интерес к востоку. А с другой стороны, через дядю Коркунова шли вести из медицинского мира. Звал меня в Сибирь, на Алтай. Слышались зовы к далям и вершинам — Белуха, Хан Тенгри!

Куинджи очень заботился, чтобы университетские занятия не слишком страдали. Затем Кормон в Париже тоже всегда отмечал университет. Исторический, а не юридический, факультет считал меня своим.

Сейчас вышла отличная книга Г.В.Вернадского "Звенья русской культуры".

А К А Д Е М И Я

Сколько чувств будило здание Академии. Музей, скульптуры, темные коридоры, а там где-то внутри и школа, связанная со многими любимыми именами... Удастся ли попасть туда?

Летом 1893 года работа с И.И.Кудриным в Музее Академии. Перерисованы все головы, которые ставятся на экзамен. "Не увлекитесь тушевкой, - учит Кудрин, - главное, покажите, как строите".

На экзамене голова Антиноя, сделал, что мог. Прихожу узнать. В вестибюле встречает Новаренко и начинает утешать: "Не в этом - так в будущем году". "Неужели провал?" "В списке нет вас". Но тут же стоит швейцар Академии Лукаш (мы его очень любили) и укоризненно усовещивает Новаренко: "Чего смущаете, раньше чем говорить, прочли бы список". Принят и даже хорошо!!

Головной класс - профессора Лаверецкий и Пожалостин. На ближайшем экзамене перевод в фигурный. Там Чистяков и Залеман. Чистяков за Аполлона перевел на следующем экзамене в натурный. А сам во время работы как закричит: "У вас Аполлон-то француз, ноги больно перетонили".

В натурном Виллевалде, всегда в форменном фраке, всех хвалящий. Помню, как один расхваленный им академист получил на экзамене четвертый разряд. Пошел жаловаться: "Как же так, профессор, вы так хвалили?" "Ну что ж у других еще лучше было". За эскиз "Плач Ярославны" первый разряд. Тогда же эскизы: "Святополк Окаянный", "Пскович", "Избушка пустынная", "На границе дикий человек", "Пушкари", "Вече"...

Старая Академия кончилась. Пришли новые профессора. Встал задача: к кому попасть - к Репину или к Куинджи. Репин расхвалил этюды, но он вообще не скупился на похвалы. Воропанов предложил: "Пойдем лучше к Куинджи". Пошли. Посмотрел сурово: "Принесите работы". Жили мы близко - против Николаевского моста - сейчас и притащили все, что было. Смотрел, молчал, что-то будет? Потом обернулся к служителю Некрасову, показал на меня и отрезал коротко: "Этто вот они в мастерскую ходить будут". Только и всего! Один из самых важных шагов совершился проще простого. Стал Архип Иванович учителем не только живописи, но и всей жизни. Поддержал в стремлении к композиции. Иногда ругал, например за "Поход", а потом вернется: "Впрочем не огорчайтесь, ведь пути искусства широки - и так можно!"

Ж И В О П И С Ь

Прежде всего потянуло к краскам. Началось с масла. Первые картины написаны толсто, претолсто. Никто не надоумил, что можно отлично срезать острым ножом и получать эмалевую плотную поверхность. От того "Сходятся старцы" вышли такие шершавые и даже острые. Кто-то в Академии приклеил окурок на такое острие. Только впоследствии, увидав Сегантини, стало понятно, как срезать и получать эмалевую поверхность.

Масло вообще скоро надоело своею плотностью и темнотою. Понравилась мюнхенская темпера Вурма. Много картин ею написано. Стенопись в Талашкине тоже вурмовская. Серову эти краски понравились и он просил меня для него их выписывать. С войною вообще прервалось, и сама фабрика закрылась.

В то время привлекла яичная темпера. В нашей иконописной мастерской были всякие опыты. Были комбинации с клеевой темперой. Воздушность и звучность тонов дали свободу технике. С Головиным были беседы о темпере, но он часто предпочитал пастель. С маслом темпера не сравнима. Суждено краскам меняться — пусть лучше картины становятся снами, нежели черными сапогами... Неоконченная картина Микель Анжело в Национальной Галерее Лондона дала мысль о цветных фонах. Она была писана на зеленом фоне, — от него Терра ди Сиенна становилась не рыжей, а золотистой. Театральный маляр у Головина отлично готовил такие холсты.

Также работал и на цветных папках. Иногда примешивал и пастель, фиксируя ее молоком или жидким столярным клеем. Над ванной производились сложные вымывания над небольшими картинами.

Холсты выписывались от Лефранка. Сперва пробовал брать уже подготовленные, но потом оказалось, что лучше всего готовить холсты дома — как в старину. Один такой синий холст Серов унес для своей Иды Рубинштейн.

Пробовал темперу в тюбиках от Лефранка и от Жоржа Роуней. Каждая имела свои особенности, но все-таки не давала силы тона, а белила желтели и трескались. Я советовал В.А.Щавинскому заняться техникой красок, чтобы иметь доброкачественные русские. Он начал; мы мечтали открыть при Школе Поощрения Художеств целую техническую экспериментальную мастерскую. Но Щавинский был убит. Полезная мысль завяла.

О Х О Т А

Уже со школьных лет обнаружались всякие легочные неполадки. Затем они перешли в тягостные долгие бронхиты, в ползучие пневмонии, и эти невзгоды мешали посещению школы. Как только осенью мы возвращались из Извары в Питерские болота, так сейчас же начинались нескончаемые простуды и уберечься от них было почти невозможно. Наконец после третьего класса гимназии домашний доктор серьезно призадумался и решил радикальный исход. "Нужно и зимою ездить в деревню, пусть приучается к охоте. В снегах и простуду как рукой снимет". По счастью, этот врачебный совет был исполнен. В это время управляющим в Изваре был Михайло Иванович Соколов, почти что Топтыгин по виду и по своей любви к охоте и лесу. Открылась совершенно новая страница радости. На лыжах ходили за лисицами, "тропили" рысей, посылали лесничих выведать медвежьи берлоги — много увлекательных радостей. А уже когда настанет весна с глухаринными и тетеревиными токами и с тягою вальдшнепов, тут уже всякие простуды должны уйти. Потом и без ружья можно бы провести ночь в лесу или на лыжах пробираться по сугробам. Но в начале, особенно же под руководством занятого Михайло Ивановича, вся обстановка охотничья казалась какою-то сказкою. Убийственная часть этого занятия скоро отпала, просто сама собой отмерла, стала несовместимой. Но впечатления весенних ночей и восходов, гомон птичьего базара, длинные хождения по зимним лесам, все это навсегда вносит особый склад жизни. Недаром охотничьи команды являются самыми зоркими и подвижными воинскими частями, — они больше всего соприкасаются с природою.

Бывало мы уходили в лес на несколько дней. Не однажды подолгу плутали. В то время уезды смежные с Псковскою областю были очень лесисты. Так один раз мы проплутали целых три дня, пока выяснилось, что подошли к самой станции Дивенской. Это блуждание по разнородному лесу, по обширным моховым болотам с опасными бездонными "окнищами" потом долго вспоминалось. Местный проводник в каждой опушке и роще признавал давно знакомые места, но приближаясь, мы оказывались где-то очень далеко от дома. Но никто не сетовал и новые впечатления лесного царства навсегда отразились. Курганы — летом, охота — зимою и весной, дали настоящие радости.

МЫСЛЬ

Запоминаются не только яркие писания мыслителей, но и отдельные словечки, от них в беседах услышанные. Такие пламенные меткие выражения иногда остаются в памяти особенно ясно. От Владимира Соловьёва, Стасова, Григоровича, Костомарова, Дида Мордовцева, Менделеева, Куинджи и до Иоанна Кронштадского много незабываемых речений навсегда осталось в жизни. Костомаров умел бросить меткое слово, зажигал своим бурным огнем Стасов, Менделеев даже во время шахматной партии бросал замечательные вехи. При этом такие отдельные броски оставались совершенно новыми и неповторенными в письменных трудах.

Помню Дида Мордовцева, блестяще говорившего у нас при учреждении общества имени Шевченко. Могли ли мы думать, что совершается нечто запрещенное и само восхваление большого поэта могло быть чем-то нецензурным. Затем для обмена мыслями создавалось несколько кружков. Был студенческий кружок, сошедшийся вокруг студенческой сборника. Но состав его был слишком пестр и никакого зерна не составилось.

После университета у меня в мастерской в Поварском переулке собирался очень ценный кружок - Лосский, Метальников, Алексеев, Тарасов... Бывали хорошие беседы, и до сих пор живет связь с Лосским и Метальниковым. Зародилось и "Содружество" - С.Маковский, А.Руманов - группа писателей и поэтов. Просуществовало оно не так долго, но создало хорошую дружбу, оставшуюся на долгие годы, и по сейчас.

Удивительно, насколько меняются человеческие выражения, сказанные наедине. Например, Куинджи в беседах наедине выявлялся настоящим интуитивным философом. Какие прекрасные строительные идеи он высказывал и видимо бывал очень потревожен, если входило третье лицо. Точно бы что-то отлетало. Впрочем то же самое замечалось и с Владимиром Соловьёвым. Если что-либо постороннее вторгалось, то вся ценная нить мысли мгновенно пресекалась и он спешил прекратить беседу. Стасов - тот не боялся присутствовавших. Даже наоборот, если подозревал в ком-либо врага своих идей, то он сразу начинал громить в направлении подозреваемого неприятеля. А за словами он в карман не лез. Чем дальше, тем с большей признательностью вспоминается все, кто так или иначе возбуждал и чеканил мысль. Ни в школе, ни в университете это не происходило, но встречи и беседы навсегда запечатлевали мысли. Целая кузница мыслей.

АРХЕОЛОГИЯ

Около Извары почти при каждом селении были обширные курганные поля от X века до XIII-го. От малых лет потянуло к этим необычным странным буграм, в которых постоянно находились занятные металлические древние вещи. В это же время Ивановский производил исследования местных курганов и это тем более подкрепило желание узнать эти старые места поближе. К раскопкам домашние относились укоризненно, но привлекательность от этого не уменьшалась. Первые находки были отданы в гимназию и в течение всей ^{второй} половины гимназии каждое лето открывалось нечто весьма увлекательное.

В бытность в университете Спицын и Платонов провели в члены Русского Археологического Общества, где я потом был пожизненным членом. Этим путем произошло сближение со всею археологической семьей. Кроме славянского отделения я посещал и заседания Восточного отдела, бывшего под председательством барона Розена. Там же встречал я и Тураева. В то же время Археологическая комиссия дала несколько командировок для исследования древностей Новгородских Пятин и Тверской и Псковской областей. Археологический Институт просил устроить экскурсии, в которых принимали участие не только члены Института, но и гости, например, Милюков, Беклемишев, Глазов...

Большое огорчение доставил и мне и Елене Ивановне Н.И.Веселовский, когда в собрании Археологического Общества он объявил найденные нами на озере Пирос неолитические человекообразные фигурки подделками. Я его спросил, если это подделки, то кто же мог их сделать. Веселовский со своим обычным невозмутимым видом отвечал: "Мало ли кто, может быть, рабочие подбросили". Такое совершенно необоснованное суждение внутренне много подорвало мое уважение не только к Веселовскому, но и к другим, которые смущенно промолчали во время этого несправедливого и ненаучного наскока. На следующий год Веселовский с группой студентов отправился на места наших неоконченных раскопок (обычно так не поступают), и нашел такие же человекообразные фигурки. Тогда в том же обществе Веселовский сделал громогласный доклад о своих необычных находках, а мне пришлось только сказать: "Не знаю, которое же из Ваших сообщений правильно, настоящее или прошлогоднее". На это Веселовский, смутившись, продолжал говорить о подлинности найденных им фигурок. Кроме многочисленных коллекций каменного века русского удалось собрать и в Европе.

Н У М И З М А Т И К А

Справедливо говорится, что нумизматика есть помощница истории. Вообще вещественные доказательства часто неожиданно рассеивали предубежденные идеи. В наших раскопках однажды нумизматика тоже помогла. В Деревской Пятине был вскрыт курган, который обычно считался одиннадцатого-двенадцатого века. В руке костяка была найдена серебряная монета, которая оказалась копеейкой Вольного Новгорода пятнадцатого века. Без этого неоспоримого доказательства невозможно было бы предположить, что древние обычаи продолжались так долго. Конечно, был любопытен и сам древнейший обычай вкладывать Харонову плату в руку покойника. Кроме датировок монеты всегда являлись замечательным показателем стиля эпохи.

У нас было нумизматическое собрание. А.А.Ильин очень поощрял его, хотя мы с ним и расходились в сущности нашего отношения к нумизматике вообще. Он был специалистом нумизматом, для которого сорочий или несорочий хвост на рубле был замечательным признаком, а мы прежде всего любили стилизацию и декоративность знаков. Кроме того мы особенно любили древнейший период. Киевские гривны и удельные монеты доставляли нам гораздо больше радости, нежели какие-то редкости позднейших неожиданностей монетного двора. Еще в Петровских копеечках оставалась стильность. Были курьезны чудовищные по размерам Екатерининские гривны, а после этой эпохи стиль окончательно стерся. Любили мы и копейки Вольного Новгорода. На них бывали изображения льва. Точь-в-точь венецианский лев Св. Марка. Не мечтал ли Новгород о царице морей Венеции? Также любопытно было наблюдать иноземные влияния, приходившие через приглашенных к великим князьям итальянских или немецких чеканщиков. Вообще, если в главнейших образцах разложить в хронологическом порядке нумизматическое собрание, то довольно наглядно получится картина эволюции или инволюции страны. Были и забавные Петровские бородовые знаки — плата за право ношения бороды. Ведь считалось, что без бороды человек не может получить ни отпевания ни сорокоуста, ибо коты и псы имеют усы протягновенные, а бороды не имеют. Также декоративны были четвертаки Алексея Михайловича, представлявшие сектор рубля. Интересно было наблюдать, как первоначальные символические знаки потом перешли в портреты.

О Ц Е Н К И

Новоременский Буренин как-то повадился в нескольких своих фелъетонах в связи с Горьким и Андреевым ругать и меня. Мы, конечно, не обращали внимания на этот лай. Но Куинджи был иного мнения. Он сохранял своего рода пиетет к печатному слову и считал, что буренинская ругань мне должна быть чрезвычайно неприятна. Как я его ни убеждал в противном, он все-таки твердил: "Что ни говорите, а это очень нехорошо. А главное в том, что, если Буренин начал, то уж не отстанет". Я предложил Куинджи, что остановлю эти наскоки, но Куинджи только качал головой. В скором времени мне посчастливилось в театре встретить Буренина. На его традиционное "как поживаете?" я ответил: "Живу-то хорошо, но уж больно злы люди". "А в чем дело?" — осведомился Буренин. "Да вот вы меня сейчас часто поминаете, а люди ко мне пристают с вопросами, сколько я вам заплатил". Буренин даже глазами заморгал и с той поры никогда даже не упоминал меня. Куинджи много смеялся, узнав о просишедшем.

Однажды Куинджи вернулся после обеда у Альберта Бенуа очень огорченный. Мы стали спрашивать его, в чем дело. "Этта дело в том, что опять сказал, что не следовало бы. Григорович при всех начал уверять, что он первый хвалебно писал о моих картинах. А я не удержался и сказал, что он называл мои картины сапогами. Он бедный так и осунулся. Мне не следовало напоминать ему. Пусть бы себе думал так, как ему сейчас хотелось". То же самое приходилось испытывать и каждому из нас. Помню как наш друг Селиванов начал уверять, что он первый хорошо написал о моем "Тонце". А я ему совершенно не к месту напомнил, что именно он "Тонца"—то и обругал. Получилось совсем нехорошо и в памяти встал эпизод Куинджи — Григорович. Русский народ сказал правильно "кто старое помянет, тому глаз вон". Мало ли что бывает. Тот же народ говорит "быль молодцу не укор". Можно припомнить многие перемены мнений. Где-то в архивах, склеившись как кирпичи, останутся засохшие газетные листы. Говорят, что обычно оценки меняются три раза в столетие как бы вместе с поколениями. Но это не совсем верно, оценки меняются гораздо чаще. Русский народ тоже сказал "прост как дрозд, нагадит в шапку и зла не помнит". Люди изобрели многие слова, чтобы покрыться в своей изменчивости: "недоразумение, недоумение, покаяние, а в лучшем случае ошибка".

Д Р У З Ь Я

Кроме друзей из живописно-художественного мира всегда были близки еще три группы — а именно зодчие, музыканты и писатели. На расстоянии многих лет часто даже вообще невозможно вспомнить, как именно образовывались эти дружеские отношения. С зодчими, которые потом даже избрали меня членом Правления их общества, дружба складывалась вокруг строительства. Пришел Щусев — один из самых замечательных архитектурных творцов. С ним делали мозаику для Почаева, часовню для Пскова... С Покровским делали Голубевскую церковь под Киевом, мозаики для Шлиссельбурга. Иконостас для Перми. С Алешиним делались богатырские фризy у Бажанова... Много чего делалось, и керамиковые фризy для Страхового Общества, и панно для молельни в Ницце и панно для Правления Московско-Казанской дороги... А там уже начинался храм в Талашкине с М.К.Тенишевой... После подошел тоже замечательный архитектор Щуко... Была дружба с Марианом Перетятковичем, который один из первых воспринял идею охранения культурных ценностей...

Музыкальный круг образовывался и около Елены Ивановны, о которой ее профессор Боровка говорил, что она могла иметь блестящее будущее пианистки. Также и Степа Митусов всегда был живым звеном с музыкальным миром. В нем были заложены крупные музыкальные способности. Семья Римских-Корсаковых... Стравинский, который потом пришел за сюжетом для совместного создания балета, из чего выросла "Весна Священная". В 1913 году Париж надрывался в свисте, осуждая "Весну", а через несколько лет она вызвала столь же сильные восторги. Таковы волны человеческие. Пришел Лядов со своим даровитым сыном, который потом у нас работал в Школе. Жаль, что молодой Лядов был убит в начале войны, из него вышел бы большой художник. Вообще семья Лядовых была утонченно даровитая, и чувствовалось, какие они были к тому же и хорошие люди. Штемберг, зять Римского-Корсакова, посвятил мне прекрасную увертюру к "Сестре Беатрисе". Затем приближался барон Фитингов и даровитые Завадские. Много встреч, также много было их и за границей.

Из писателей — дружеские отношения с Горьким, Леонидом Андреевым и с некоторыми корифеями старшего поколения. Мы любили и ценили Мережковского и, если бы он написал лишь одного Леонардо да Винчи, то уже был бы великим писателем. Особые отношения были с А.М.Ремизовым. С одной стороны, мы как будто и не часто

18

встречались, но зато внутреннее ощущение было особо задушевное. Вспоминаю его "Жерлицу Дружинную". Вспоминаю и последнюю встречу в Париже, записанные им сны. Он не только мастер слога, но и ведун души. Много встреч.

У Ч Е Б А

После Университета и академии и Кормоновской мастерской началась еще одна учеба, и очень суровая. Говорю о работе в Обществе Поощрения Художеств. Некоторые пишут, что пригласил меня туда Собко, но это не совсем верно, ибо главным образом приглашение произошло по линии Д.В. Григоровича. Не успел он утвердить меня по музею общества, как умер, а музей перешел в ведение Боткина. Я же именно тогда писал против Боткина и критиковал его реставрацию Новгородской Софии. После этого мне казалось невозможным с Боткиным встретиться, а тем более сотрудничать. Но Балашев, бывший вице-председателем, был иного мнения. Со своей ственной ему торопливостью он пригласил меня поехать вместе с ним к Боткину под предлогом осмотра известной Боткинской коллекции. Прием превзошел всякие ожидания. Не только была показана коллекция самым предупредительным образом, но было заявлено о великом удовольствии встретиться в музее общества, и таким образом все приняло совершенно неожиданные размеры. По поводу же моих статей о Софии было сказано, что Боткин читал их с огромным интересом. Конечно, еще много раз пришлось в деле столкнуться с академической рутиню Боткина. При выборах в академики именно Боткин произнес речь против меня, но когда избрание все же состоялось, то на другое утро Боткин уже был у меня, целовался и говорил, улыбаясь: "Ну и была битва, слава Богу, победили". Он не знал, что еще накануне вечером Шусев и Беренштам позвонили по телефону о положении дела. Так же точно Боткин был против моего назначения директором Школы, но когда и оно все же состоялось, он с улыбками и объятиями спешил оповестить о победе. Опасный был человек, но все-таки поблагодарю его за учебу, за вкоренившийся обычай быть на дозоре. И другие члены комитета занимались той же учебой. Так например, после моего избрания секретарем Общества, председатель финансовой комиссии Сюзор пригласил меня вечером "потолковать о финансовых делах". Речь шла о большом бюджете и о разных цифрах, превышавших 200,000 рублей. Быстро Сюзор называл разные детальные цифры. Устно подводил итоги и делал всякие сложные сопоставления. Я также устно подавал реплики и таким образом мы побеседовали часа три. Затем совершенно неожиданно Сюзор попросил меня через два дня представить весь

20

бюджет, включив в него все те многие детальные соображения, которые он называл. Я попросил его дать мне какие-либо записки по этому поводу, но он сказал, что записок он не имеет и даже не может повторить устно все им сказанное. При этом он добавил, улыбаясь: "Я удивлялся, видя как вы надеетесь на свою память и ничего не записываете". Действительно, пришлось вызвать все силы памяти, чтобы не ударить лицом в грязь. Спасибо и за такую учебу. В то же время продолжалась учеба со стороны Куинджи, который постоянно давал незаменимые уроки и примеры общественной справедливости и откровенности. Селиванов толкнул к собирательству старинных картин. Каждый из членов Комитета приложился к этой жизненной учебе. Спасибо.

СОБИРАТЕЛЬСТВО

Не однажды нас спрашивали, отчего мы начали собирать именно старых "Нидерландцев?" Но кто же не мечтает о ван-Эйке, Мемлинге, ван-дер-Вейдене, ван-Реймерсвале, Давиде, Массейсе? Кроме того в каждом собирательстве есть и элемент судьбы. Почему-то одно подходит скорее и легче. Открываются возможности именно в том, а не в другом, так и было.

Порадовал Блэз, оба Питера Брегеля, Патинир, Лука Лейденский, Кранах. За ними подошли Саверей, Бриль, Момпер, Эльсгеймер, Ломбард, Аверкамп, Гольциус, старший ван-де-Вельде, Конинг — и в них было много очарования щедрости построения и декоративности. Затем неизбежно появились Рубенс, ван-Гойэн, Остаде, ван-дер-Нэр, Ливенс, Неефс, Теньер, Рюэндалъ... Друзья не удивлялись, что эти славные мастера вошли в собрание по неизбежности. Дело в том, что душа лежала к примитивам с их несравненными звучными красками и богатством сочинений. Елена Ивановна настолько прилежала к примитивам, что вхождение даже самых привлекательных картин семнадцатого века встречалось ею без особой радости.

Много незабываемых часов дало само нахождение картин. Со многими были связаны самые необычные эпизоды. Рубенс был найден в старинном переплете. Много радости доставила неожиданная находка ван-Орлея — картина была с непонятной целью совершенно записана. Сверху был намазан какой-то отвратительный старик и Е.И., которая сама любила очищать картины, была в большом восторге, когда из-под позднейшей мазни показалась голова отличной работы мастера. Также порадовал и большой ковчег Саверея, где тоже с непонятной целью был записан весь дальний план. Мы не успели восстановить Луку Лейденского, в котором осталось записанным все небо и дальний пейзаж. Вариант этой картины находится в Лувре.

Питер Брегель был найден совершенно случайно. Распродавалось некое наследство и меня пригласили купить что-либо. Было много позднейших картин, вне нашего интереса. Продавщица была весьма разочарована. Наконец высоко над зеркалом в простенке между двумя окнами я заметил какую-то совершенно темно-рыжую картинку. Спросил о ней, но продавщица разочарованно махнула

28

рукой: "Не стоит снимать, вы все-равно тоже не купите". Я настаивал, тогда продавщица сказала: "Хорошо, я ее сниму, но вы непременно купите и не отказывайтесь, а для верности положите двадцать пять рублей на стол". Так и сделали. Картинка на меди оказалась настолько потемневшей, что даже нельзя было распознать сюжет. А затем из-под авгиевых слоев грязи вылупился зимний Брегель. Много забот доставил "Гитарист" ван-Дейка. Просили за него порядочную цену, о которой мы еще не успели стовориться. Но Е.И. не дождалась окончания переговоров и начала чистить картину. Можете себе представить наше волнение, когда владелец картины пришел для окончательных переговоров. По счастью, все уладилось к обоюдному удовольствию. Был спасен и Блэмарт, на котором было записано все небо с ангелами. Без конца памятных эпизодов. Много дали радости старые Нидерландцы. К тому же примитивы так близки современной нашей школе.

А З И Я

Восток вообще является понятием относительным. Во всяком случае оно не географическое. Из Парижа вы едете на юг и приезжаете на восток — в Алжир. Затем из Алжира едете на восток и приезжаете в Грецию и Румынию, которые к востоку не принадлежат. Пределы Азии тоже очень неопределенны. Это давно уже замечено и начались существенные приставки. Получилась обширнейшая Австрал-Азия, затем соделалась Евразия. Никто не объяснит, почему Астрахань, Кавказ, Крым в существе своем не Азия. Условная граница по Урал потом расплывается в несказуемую неопределенность. Было время, когда по неведению и неразумению считалось неуместным называть себя азиатами. Но затем трудами многих просвещенных людей этот нелепый предрассудок сгладился. Прозорливый поэт уже воскликнул: "Да, азиаты мы". Как же мы не азиаты, когда сокровищница русская вся Сибирь неизведенная, сохраненная, занимает большую часть Азии, в чем уже никто не будет сомневаться.

К сердцу Азии потянуло уже давно, можно сказать от самых ранних лет. Имена Пржевальского и Потанина уже давно стали несказанными магнитами. Весь эпос монгольский, уже не говоря о сокровищах Индии, всегда привлекал. Русь в древнейшие времена уже внимательно слушала сказания мудрых восточных гостей. Сношения с востоком были гораздо глубже, нежели западники старались это представить. Уже не говоря о восточной сущности Византии и о всех сокровищах восточно-русских, даже в изобразительных искусствах Европы с давних времен можно находить прямые влияния азиатские. Сердце Азии является как бы и сердцем мира, ибо откуда же шли все учения и вся мыслительная мудрость. Поищем внимательно и найдем ко многому истоки все-таки в Азии. Даже североамериканские индейцы разве не являются азийскими аборигенами.

В семье нашей сама судьба складывала особые сношения с Азией. Постоянно появлялись друзья, которые или служили в Азии или вообще изучали ее. Профессора Восточного факультета бывали у нас. Из Сибири приезжали Томские профессора и все толковали об Азийских глубинах и усиленно звали не терять времени и так или иначе приобщиться к Азийским просторам. Каждая памятка из Азии была чем-то особенно душевным от ранних лет и на всю жизнь.

И Н Д И Я

От самого детства наметилась связь с Индией. Наше имя "Извара" было признано Тагором как слово санскритское. По соседству от нас во времена Екатерининские жил какой-то индусский раджа и до последнего времени оставались следы могульского парка. Была у нас старая картина, изображавшая какую-то величественную гору и всегда особенно привлекавшая мое внимание. Только впоследствии из книги Брайан-Ходсона я узнал, что это была знаменитая Канченджунга. Дядя Елены Ивановны в середине прошлого столетия отправился в Индию, затем он появился в прекрасном раджпутском костюме на придворном балу в Питере и опять уехал в Индию. С тех пор о нем не слыхали. Уже с 1905 года многие картины и очерки были посвящены Индии. "Девасари", "Лакшми" (в "Весах"), "Индийский путь" (по поводу поездки Голубева), "Граница Царства", "Кришна", "Сны Индии" - все это было написано еще до поездки в Индию, так же как "Гайатри" и "Города Пустынные". С 1923 года мы были уже в Индии и с тех пор все познание Индии, любовь к ней и многие дружеские сношения возросли. Еще в 1920 году в Лондоне нас посетил Рабиндранат Тагор и звал в Индию. После этого в "Модерн Ревью" в Калькутте появилась большая статья о моем искусстве. Это было как бы введением в Индию. Елена Ивановна уже давно знала и любила книги Рамакришны и Вивекананды.

С 1923 года мы объехали главные достопримечательности Индии, начиная с Элефанта, Агры, Фатехпур Сикри, Бенареса, Сарната, побывали в ашрамах Рамакришны, в Адьяре, в Мадуре, на Цейлоне и всюду нашли сердечное приветливое отношение. Установились связи не только с семьей Тагора, но и с многими представителями философской мысли Индии - Свами Рамдас, Шри Васвай, Свами Омкар, Свами Джаганисварананда, Шри Свами Садананд Сарасвати. Сблизились с Джагадис Боше, завязались переписки с Анагарикой Дхаммапаллой, с Рамананда Чаттерджи, с Сунити Кумар Чаттерджи, с Раманом. Скрепилась дружба с художниками Асит Кумар Халдар, Биресвар Сен, с художественными писателями Ганголи, Мехта, Басу, Тандан, Баттачария, Чатурведи, Равал, Кунчитапатам, Тампи, Сиривардхана... Боше Институт, Королевское Азиатское Общество, Маха Бодхи, Нагари Прачарини Сабха, Индусское Общество Восточных

25

Искусств избрали почетным или пожизненным членом. По предложению Рай Кришнадасы устроили отдельный зал в Бхарат Кала Бхаван, затем Городской Музей в Аллахабаде по инициативе Рай Бахадура Браджд Мохан Виас тоже посвятил отдельный зал, а затем Траванкорское правительство при содействии Дж.Кезенса приобрело целую группу картин для своей государственной галереи Шри Читралайям. И в других махараджествах Индии предложения устроить выставки: Гайдерабад, Мисор... Трогательно было получать с разных концов Индии просьбы прислать напутственно-приветственные статьи индусским организациям: конгресс Махасабха, Федерация студентов в Дели, бойскауты, Мохабодхи, Стра-Дхарма, Школа Миры... Предисловия к книгам - Фатулла Хан, Тейджа Синг, Моханлал Кашиал, Бхану Синг, Гупта... Не забуду встречи со "строителем нового Карачи" Джамшед Нуссерваджи. Индия радушно приняла наш Институт. Сердечный привет Индии.

Н А Г Г А Р

Поднялись из Дарджилинга со всеми вещами, чтобы переехать в старинное место Наггар. Берега Биаса связаны и с Риши Виасой, собирателем Махабхараты и с Александром Великим, войско которого не пошло дальше этой горной реки. Здесь проходил и Будда и Падма Самбгава, здесь жил Аржуна и другие Пандавы. Недалеко Манали - от Ману. Горячие ключи Басишту и долина Маникарн - Парвати с серебряной рудой. Через Ротанг - уже тибетская природа. Все скопилось в изобилии... Древняя Кулута!

К Рождеству 1928 года доехали до Наггара (по-русски Вышгород). Еще не перешли Биас, из Катрайна увидели высоко на холме дом. "Вот там и будем жить". Нам говорят: "Невозможно! Это поместье раджи Манди. Дом не сдастся". Но если что-то должно быть - оно и делается. Все устроилось, несмотря на немалые препятствия. Все-таки преодолели.

На север от нас - Манали, Аржунгуфа, Джагадсут, Басишта, а за ними снежный Ротанг. Путь на Тибет, на Кайлас, на Ладак, на Хотан - через Гоби - на Алтай. Древний путь.

На восток - Чандер Кани перевал - за ним Малана (особый монахмерский язык) - Спити - Тибет.

На запад - Бара Бхагал - а за хребтами Кашмир, Пир Панзал, а там и Памир.

На юг - дорога на Симлу, на Манди, на озеро Равалсар, а там и жгучие равнины Индии.

Наггар - место древнее. Несколько старинных храмов. Когда-то здесь были, по словам китайских путешественников, буддийские вихары. Теперь и следа не осталось. Сохраняется предание, что где-то здесь захоронены священные книги во времена тибетского иконоборца Лангдармы. Покровитель долины Нар Синг иногда показывается в виде старца в белом. Гуга Чохан, старый раджпутский раджа, тоже почитается хранителем долины.

Разных богов в долине триста шестьдесят. У нас письменное условие между богом Джамлу, британским правительством и нами о пользовании водою. Гремят барабаны и режут длинные трубы, когда боги посещают друг друга в дни ярмарок. В лесу ватерялся храмик - там подвизался отшельник Пахари Баба. Деодары, сосны, дубы еще теснятся по склонам, но много лесов уже нарушено. Внизу под холмом, на старой дороге звенят колокольцы каравана. Чарует зов караванный. Откуда? Куда? С какими вестями?

Л А Д А

Лада — древне-русское слово. Сколько в нем лада, вдохновения и силы. И как оно отвечает всему строю Елены Ивановны. Так и звали ее. Когда Серов работал над ее портретом, он уверял, что основой ее сущности есть движение. Вернее сказать — устремление. Она всегда готова. Когда она говорит об Алтайских сестрах для всенародной помощи, то в этом призыве можно видеть ее собственные основные черты. Принести помощь, ободрить, разъяснить, не жалея сил, — на все это готова Елена Ивановна. Часто остается лишь изумляться, откуда берутся силы, особенно же зная ее слабое сердце и все те необычные явления, которым врачи лишь изумляются. На коне вместе с нами Елена Ивановна проехала всю Азию, замерзала и голодала в Тибете, но всегда первая подавала пример бодрости всему каравану. И чем больше была опасность, тем бодрее, готовнее и радостнее была она. У самой пульс был 140, но она все же пыталась лично участвовать и в устройении каравана и в улажении всех путевых забот. Никто никогда не видел упадка духа или отчаяния, а ведь к тому бывало не мало поводов самого различного характера.

И живет Елена Ивановна в постоянной неустанной работе, так — с утра и до вечера. Поболит немного, но быстро духом преодолевает тело и опять уже можно слышать, как бодро и быстро стучит ее пишущая машина. Сейчас друзья хотят издать письма Елены Ивановны. Конечно, часть писем, да и в извлечениях. Если бы все, то получилось бы много томов.

Особа и необычайна деятельность нашей вдохновительницы. В разных странах целые очаги питаются ее помощью, прилетающей на крыльях аэропланов. Она всегда спешит с помощью. Ждут слова утешения, утверждения и пояснения. Даже из друзей многие не знают, что Еленой Ивановной написан ряд книг. Не под своим именем. Она не любит сказать, хотя бы косвенно, о себе. Анонимно она не пишет, но у нее пять псевдонимов. Есть и русские и западные и восточные. Странно бывает читать ссылки на ее книги. Люди не знают, о ком говорят. По мысли Е.И. возникают женские единения. Особая прелесть в том, что многое возникает, даже не зная истинного источника. Велика радость — давать народу широкое мировоззрение, освободить от суеверий и предрассудков и показать, насколько истинное знание есть путь прогресса. Лада — прекрасное древне-русское имя.

П О Т Е Р И

В новейших изданиях старинных мастеров в конце книг приводятся списки исчезнувших произведений. Некоторые из них известны по гравюрам, другие были в свое время копированы, но сами оригиналы по-видимому бесследно исчезли. Это могло случиться и при многих пожарах и во время всевозможных вандализмов и религиозных гонений, как например, во времена Савонаролы. Конечно, и до сих пор в самых неожиданных обстоятельствах иногда находят такие "пропавшие" вещи. Стоит вспомнить, что еще недавно нашли превосходного Вермера, а в Брюсселе на аукционе за сто франков был куплен несомненный Рембранд. Кроме уничтожений старинные картины нередко записывались сверху по совершенно непонятным причинам. Так случилось и с картиной Дюрера и со многими итальянскими и нидерландскими отличными художниками. Мне лично пришлось купить в совершенно записанном виде хорошего Ван-дер Вейдена. Наши дни должны принести еще большие неожиданности не только со старинными картинами, но и с нашими. Знаем о пропаже "Ункрады", "Сечи при Керженце", "Казани", "Зовущего", "Похода" и многих других картин. Говорили, что в одном Польском замке во время войны погибло множество картин и в том числе шесть моих. В то же время на уединенном острове Сааре Маа находят какую-то мою картину. В Швейцарии оказывается эскиз к "Идолам", который давным-давно считался утраченным. Поистинне пути искусства неисповедимы.

Все помнят, как в 1906 году в Америке было на принудительном аукционе за долги комиссионера выставки Грюнвальда продано 800 русских картин. Среди них были и Репин, и братья Маковские, и Мусатов, и много других известнейших художников. Так до сих пор осталось совершенно неизвестным, куда расплылось все это множество произведений. У меня было в этом числе семьдесят пять этюдов русской старины и картины "Сходятся Старцы", "Псков". Часть из них попала в музей в Калифорнию, но 25 вещей исчезли без всякого следа. Говорили, что они где-то в Канаде. На одном из случайных аукционов в Лондоне мне пришлось видеть две картины Верещагина. Спрашивается, где находится вся его индийская серия? Неисповедима судьба искусства. Вечные странники. Пропали "Световитовы кони", "Вайделоты", "Предательница", "Заговорщики", "Малэн", "Ункрада", "Зовущий"... А где "Три радости"? Где "Волокит волоком"? Где "Кончак"? Начнешь считать и конца нет.

П О Д Р О Б Н О С Т И

Вы спрашиваете о подробностях разгрома русского художественного отдела на выставке в Сен-Луи в 1906 году. Прискорбны эти подробности. Коммерсант Гринвальд задумал устроить на выставке в Сен-Луи - первый раз в Америке - большой отдел русского искусства. Было собрано восемьсот русских картин, среди которых были вещи очень известных художников. Моих там было 75 вещей, из них "Сходятся Старцы" и этюды русской старины. Гринвальд не сумел или не успел заплатить пошлину за какие-то проданные картины. Весь Русский отдел был арестован и назначен к принудительной продаже с торгов. Узнав о таком разгроме, русские художники заволновались. Писали в разные учреждения, обращались к русскому послу в Вашингтоне, а затем, не получив удовлетворительных ответов, обратились "на Высочайшее Имя". Во главе комиссии художников был Владимир Маковский и еще несколько академиков. На первом обращении была сделана высочайшая резолюция - "Следует помочь художникам". Но Министерство выразило недоумение о том, каким образом следует помочь художникам? Потребовалось вновь обратиться на "Высочайшее Имя", а в то время очевидно кто-то что-то подшепнул и произошла непонятная резолюция - "отказать". Пока шла вся эта переписка, прилетела весть о том, что Американская таможня, ничем не смущаясь, продала с аукциона весь Русский художественный отдел выставки. Мы никогда так и не узнали прискорбные обстоятельства этого аукциона. Они были настолько безобразны, что, когда будучи в Америке, я пытался о них расспрашивать, то Бринтон и некоторые другие причастные к искусству американцы лишь конфузливо махали руками и сокрушенно пожимали плечами. 800 картин разлетелось по всем штатам Америки, по Канаде и, кажется, в Южной Америке. О моих картинах я лишь узнал, что 35 оказалось в музее Калифорнии, затем обнаружилось еще шесть у частных собирателей, а остальные, кажется, ушли куда-то в Канаду. Словом, получился неслыханный разгром русского отдела, нанесший вред не только русским художникам, но и престижу русского искусства вообще. Удивительно, что государство могло допустить такой акт со стороны своей таможи! Слыханно ли, чтобы отдел официальной выставки, признанной государством, мог быть так безжалостно разгромлен!

"П А Р И Ж"

"Париж" горел. Конечно, это не тот пожар, о котором говорил Нострадамус, но все же пожар чрезвычайно показательный. Мало того, что сгорел или был подожжен один из лучших океанских пароходов, но на нем были погружены художественные сокровища для Нью-Йоркской ярмарки. Пишут, что эти произведения искусства уже снимались с горящего парохода, и оценивались они в 25,000,000 долларов. Конечно, это чисто человеческая оценка, а по существу своему эти художественные сокровища не могут быть расцениваемы никакими долларами.

Случившееся напоминает мне о моем докладе Римскому конгрессу в 1930 году. В докладе я обращал внимание на три возникшие опасности для художественных произведений. Во-первых, опасность от каких-либо покушений при перевозках и от всяких вандализмов. Во-вторых, опасность от временной перевозки произведений в чуждые им климаты. Нам самим приходилось наблюдать, как губительно действовали различные климаты на картины и резные статуи. В-третьих, опасность, возникающая от рентгенизации.

Эта последняя опасность, возникшая, можно сказать, за последние дни, очень чревата последствиями. В конце концов никто не знает последствий рентгенизации. Мне самому приходилось слышать мнение врачей о том, что рентгенизация абсолютно безвредна. Когда я спрашивал: " Неужели такой мощный луч не оказывает ни положительного ни отрицательного воздействия", мне с серьезнейшим видом возражали, что последствий никаких не замечено. Спрашивается, как скоро ожидались эти последствия? При рентгенизации человека допускалось, что в исключительных случаях могут быть даже смертельные последствия. Правда, говорилось, что таких последствий на тысячу один, но все же они были зарегистрированы.

Кто же может утверждать, что рентгенизация картин, которая стала таким модным явлением, не окажет разлагающего следствия через некоторое время, и кто же может определить это время? В докладе своем я предлагал не торопиться с рентгенизацией лучших картин, пока в продолжении многих лет люди сами не познают свойства этих сильнейших лучей. Пусть бы уж производили опыты над третьестепенными старинными картинами, но всегда, когда слышишь о рентгенизации Рембрандта, Голбейна, Дюрера и других

первоклассных мастеров, всегда западает опасение, поблагодарят ли за эти опыты будущие поколения?

Гибель "Парижа" вызывает в памяти многие бывшие размышления. В Сан-Франциско выставлены редчайшие произведения Леонардо. Наверное, приняты исключительные меры для их охраны. Но ведь и на "Париже" тоже, вероятно, все меры осмотрительности были приняты. Кроме художественных произведений на "Париже" было погружено золото на 75,000,000 долларов. Конечно, при желании можно накопать из земли еще большие миллионы золота, но художественных сокровищ, доверенных океану, уже никто не мог бы возместить.

Сейчас много опасностей в мире. Исчезают целые страны, но, чтобы усилить впечатление современного трагизма, сторает пароход, который должен был перевезти неповторимые художественные сокровища на ярмарку в Америку. Предметы искусства спешно снимались с парохода уже во время пожара. Еще раз вспыхнула предупреждающая лампочка. Счастье, что удалось спасти сокровище, но ведь могло случиться и обратное и ко всем происходящим вандализмам мог прибавиться и еще один страшный, ужасающий.

НИКОЛАЙ РЕРИХ

Гималаи.
24-Апр-1939.

П С К О В

Псковский край близок нам по многим причинам. Бабушка Татьяна Ивановна Коркунова-Калашникова была исконной псковичкой. Эти фамилии с древних времен связаны с Псковом. Одни из первых моих археологических изысканий тоже относятся к псковской области. А область эта очень красива и богата древними поселениями. Вспомним Вышгород и все прилегающие к нему разноцветные холмы, леса, озера и пестрые пашни. Порховский уезд - один из самых живописных. В нем много старинных усадеб. Одни из самых первых старо-усадебных впечатлений связаны именно с Порховским уездом.

Помню, как еду на почтовых лошадках в воскресный день по большому селу. Ямщик, уже знающий о моих археологических поисках, советует: "А вы бы зашли сейчас в церковь - там и помещики и земский начальник - всех там увидите". Так и случилось. Сразу я попал в круг местных помещиков и ближайший из них радушно и настоятельно пригласил остановиться у него.

В то же время я услышал происходящий сзади тихий разговор. Жена другого помещика истерически выговаривала своему мужу: "Вот ты всегда опоздаешь. Другие успеют пригласить, а мы не при чем". Сконфуженный помещик подошел ко мне и шепотом просил не обойти их усадьбу. Зная, что ему грозила бы семейная неприятность, я обещал побыть и у них. Тут же находился и третий помещик, многозначительно напомнивший о том, что его усадьба недалеко и приезжие не обхлдят его.

Итак часть времени прошла в первой усадьбе, затем удалось уболагодворить и вторую семью, а конец раскопок сопровождался незабываемым эпизодом. Когда уже звенели почтовые бубенцы, вдруг из-за перелеска выскочила целая борзая охота. Третий помещик с рогом через плечо и с нагайкой, подбоченясь, пересек дорогу моему тарантасу. "А меня-то забыли - ведь так люди не поступают. Как же прикажете понимать ваше поведение?" Пришлось отговориться спешным вызовом и дать обещание непременно побывать в каком-то ближайшем будущем.

В том же краю на подъезде одной старинной усадьбы красовалась большая надпись, вырезанная славянской вязью: "Незванный гость хуже татарина", - что впрочем совершенно не отвечало радужному характеру обитателей этого Екатерининских времен дома. Там была превосходная старинная библиотека. А сколько древностей было рассыпано в частных домах самого Пскова! Все эти сокровища терпеливо ожидали свою судьбу. Какую судьбу?

СТАРЫЕ ПИСЬМА

25 Февраля 1922 г.

Дорогой Николай Константинович,

Хотел забежать к Вам вчера вечером, чтобы обнять перед отъездом, но ввалилась ко мне какая-то предпринимательница, интересующаяся Апельсинами, задушила душевные порывы.

Ваши рукописи со мною в каюте; с удовольствием жду того момента, когда спокойно смогу подумать над ними, - а затем поговорить с Дягилевым.

Целую Вас крепко,

С.Прокофьев.

19 Марта 1919 г.

Дорогой мой Николай Константинович! Вчера Анат.Ефимович сообщил мне печальную вестъ, что Вы очень скоро всего б.м., через несколько дней можете уехать в Европу. Это производит такое впечатление, как будто я должен ослепнуть на один глаз: ведь Вы единственная моя живая связь со всем миром, который лежит к Западу от прекрасного Тюрисева. И значит - и видеться не будем? и говорить не будем? Дорогой мой, если это действительно случится, приезжайте хоть на один вечерок, переночуете у меня, будем говорить!

Л.Андреев.

1920 г.

Дорогой друг, Николай Константинович!

Многое прошло. Так бывает, но никогда не могло бы случиться, чтобы я забыл Вас. Я до сих пор вижу Вас (сейчас еще яснее вижу) среди ржаной Расеи, среди зверей, говорящих и даже мыслящих. И вот как вижу Вас: все тем же божком под небом, только теперь, подле Вас, столпились граждане; они выкопали божка из земли, разглядывают. Помню Вашу голову, - молнии на лбу и так хорошо идет к ней материал из камня. Если мой колорит - ржаной, то Ваш - каменный.

Как хорошо, что Вы не живете в Париже! Здесь даже некому писать чем-то похожи на лакеев, ну а другие сплошь - жулики. Среднее нечто между ними - русские. И хочется быть подальше ото всех. И дай Бог, чтобы Вам было хорошо там, где Вы есть. Ничего

39

не зная о Вас, я все же думаю, что Ваша энергия и ум везде сделают свое, уж не говорю о Вашем искусстве, о Вашей "планете", которая всех давно очаровала.

Григорьев.

1923 г.

Дорогой Николай Константинович,

Такой Вы близкий мне и сердцу и уму. Тронут Вашим письмом, полным загадки, мистики между строк и кипучей мысли в самых строках. Я верю Вам, каждому движению Вашего сердца и каждому решению Вашего ума. Давно скучаю без Ваших работ, где по-старому живо творчество и видна любовь к искусству. Сколько раз тут я буйно говорил о Вас, не сличая Вас ни с кем. В этом Ваша и сила - Вы одиноки и тем и обаятельны. Потому-то сейчас, как никогда стало трудно быть самим собою - одиноким, но сильным. Как все раскачалось, померкло до омерзения.

Ах как не хватает мне Вас. Поверите ли - слова не с кем сказать, а душу открыть - это невозможно.

Видаете ли Шаляпина? Он мне друг, может помочь. Я хочу бежать из Европы совсем, а такому решению и "сезоны" - пустяк. Куда Вы едете, зачем? Скажите. Неужели совсем уезжаете из Америки. Ради Бога только не в Париж - тут смерть нам. С Вами хотел бы слить мою дальнейшую судьбу. Давайте соединимся. Много у меня и сил и нужной интуиции, но трудно совсем одному. Вы мало пишете о себе, а я так хотел узнать подробности.

Григорьев.

II-Мая-1920 г.

Дорогой Николай Константинович,

Вы наверное уже собираетесь в путь. Счастливец! Буду думать о Вас так, чтобы счастье Вас не покинуло и там. Дай Вам Бог нашуметь и в новом месте. Ведь там так много сейчас русской шантрапы и Вам необходимо поднять Ваше русское искусство в глазах американцев. Я, конечно, не говорю о Прокофьеве и двух-трех художниках вполне приличных. Но из гениев Вы будете там единственный.

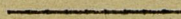
Григорьев.

19 -Июля - 1920 г.

Здравствуйте, дорогой друг Николай Константинович!

Здесь мы живем дружно; и есть проекты воскресить выставу "Мир Искусства". Григорьев в Берлине, здесь: Яковлев, Сорин, Реми, Гончарова, Ларисов, Стеллецкий - в Каннах. Только не хватает нашего председателя, который предпочитает холодного Альбиона Парижу, городу вечной живописи. С каким восторгом говорили недавно о Вас Ф.Журден, председатель Осеннего Салона, вспоминая "Полсвецкие пляски" и "Священную Весну". Я думаю, Николай Константинович, что, если Вы тронули глаза и сердца рыбоподобных "бритов", то здесь Ваше имя имело бы еще более горячих поклонников и друзей. Приходите и правьте нами.

Суде йкин.

Э П И З О Д Ы

В 1906 году Комитет Общества поощрения художеств поручил мне ознакомиться с заграничными художественными школами. Со мною поехал и мой помощник. Первый осмотр школы в Берлине сопровождался любопытным эпизодом. Когда мы обратились к дирекции школы и предъявили наши широковещательные документы, то результат получился совершенно неожиданный. К нам отнеслись очень почтительно, но сказали, что посещение таких именитых гостей должно идти через министра. Когда же я спросил, как скоро эта процедура закончится, мне сказали, что она возьмет неделю или две недели времени. Между тем у меня уже были назначены свидания в Париже. Мой помощник упал духом и говорит: "Этак мы никогда не успеем осмотреть все намеченное". Я его успокоил, говоря: "Если нам помешали большие бумаги, то пойдем с малыми". Так и сделали - на другой же день пошли в качестве желающих поступить в школу. Ходили по всему зданию, отовсюду нас вежливо гоняли, говоря, что раньше нужно побывать в канцелярии у регистратора. Мы, конечно, не сразу нашли путь к этой канцелярии и попутно побывали во всех классах и даже обращались с разными вопросами. В канцелярии нас снабдили всеми нужными сведениями и так как нам ничего больше не нужно было получать, то мы спокойно отъехали в Париж. Официальное разрешение осмотреть школу нагнало меня уже в Швейцарии. С удовольствием вспоминаю посещение мастерской Ходлера, и картины его и сам он мне очень понравился. Тауб Кох поэтому-то и хочет писать статью "Рерих - Ходлер - Сегантини". Поездки вообще не легко устраивались, пока я был секретарем Общества поощрения, постоянно возникали какие-то спешные обстоятельства и приходилось по телеграмме спешно возвращаться. Помню, как после свадьбы была разрешена поездка в Москву, а через три дня получилась телеграмма, вызывающая на спешное заседание Комитета. Пришлось вернуться. Запоминается и другой курьезный эпизод. Мы были тогда около станции Окулровка, вдруг получается телеграмма от принцессы Ольденбургской с просьбой быть у нее на другой день в восьмом часу утра (мой доклад у нее был самым ранним). Вечером же я уехал в Питер и, едва успев переселиться, поспешил с докладом. Доклад продолжался около часа и мне показалось,

34

что, если я не буду заезжать домой, то еще успею на утренний Севастопольский поезд на Николаевский вокзал. Так и случилось и после полудня я уже был в Окуловке. День был жаркий, а нужно было несколько верст пройти около полотна железной дороги. И вот, сняв пальто, я зашагал во фраке и цилиндре к вящему изумлению стрелочников и прочих встречных. Кончилось тем, что наша прислуга чуть не упала в обморок, приняв меня за привидение, ибо никто не мог ожидать такого быстрого возвращения. Впрочем, такие фрачные прогулки были не раз. Из Петергофа мы с Зарубиным решили пройтись до следующей станции и тоже шествовали во фраках — вероятно, кое-кто принимал нас за официантов. Все это благодушные эпизоды. Но бывали и очень драматические. Однажды у нас были гости и мы спокойно беседовали, когда прибежал взволнованный Максим, служитель, и, не стесняясь присутствующими, заявил дрожащим голосом: "Барон Врангель очень больно Михаила Петровича Боткина в глаз ударил". Оказывается в выставочном зале произошла целая драма. Устраивалась выставка старинной живописи, а по пожарным условиям градоначальник запретил открытие. Боткин пошел предупредить выставочный комитет об этом запрещении, а Врангель, думая, что виновником всего является сам Боткин, грубейшим образом кулаком ударил его в глаз. Было очень прискорбно, ибо именно в этом случае Боткин не был виноват. Думается, что это потрясение было началом смертельной болезни Боткина. Бесконечное количество эпизодов возникает около искусства. Всякие удачи и неудачи выставок иногда зависят от таких странных стечений обстоятельств, что наблюдать их является настоящею школою жизни. Бывали и символические и настоящие пожары. Требовалось не малое присутствие духа тушить пламя. Чего только не было.

С Т А Р Ы Е Д Р У З Ь Я

Превозмогаю невралгию. Читаю старых друзей - Бальзака, Анатоля Франса, письма ван-Гюга. Светик правильно замечает, что в его письмах нет ничего ненормального. На него нападали отдельные припадки безумия. Да и было ли это безумием или же протестом против окружающего мещанства? Ван-Гюг был у Кормона. Там же бывали и Гоген и Тулуз-Лотрек и Бернар. Не испортил их Кормон.

Перечитываю былины в новом московском издании с отличными палеховскими иллюстрациями. Народ познает свои сокровища. Замечательна былина о Дюке Степановиче, где сопоставляется богатство Галича с Киевом. Выходит, что Галич много превосходит Киев и водчеством и товарами и всем великолепием. Добрыня принял портю-мойницу за матушку Дюка - в таком богатейшем наряде она была. Впрочем, и в Слове о Полку Игореве превозносится богатство и мощь Галича. Старое достояние Руси.

Вот опять русский народ объединен с Галицкой старинной областью. Наверно произойдут раскопки. Еще что-нибудь замечательное выйдет наружу. Показания былины о Дюке и Слова о Полку Игореве не даром устремляют внимание к Галицийским взгорьям. И Угры и Болгаре имели причины стремиться в этих направлениях.

Любопытно, кто первый направил палеховцев и мастеров в область былинной иллюстрации? Счастлива была мысль использовать народное дарование в этой области. Помню, как на нашем веку этих даровитых мастеров честили "богомазами". Впрочем, тогда ухитрялись порочить многие народные достояния. Доставалось нам не мало за любовь к народному искусству. Правилен был путь наш. Не пришлось с него сворачивать.

И Настасья Микулична - величественный праобраз русского женского движения давно нам был близок. Характерно женское движение в русском народе - в народах Союза. Выросло оно само-бытно, как и быть должно. Женщина заняла присущее ей место мощно, как поленица удалая. Радостно читать, как индус пишет о своем пребывании в землях Союза. Народы волею своею показали здоровое, преуспевающее строительство. Как вспомнишь об этом историческом строительстве, и невралгия полегчает. Привет народам Союза. Привет Родине.

21 октября 1939 года.

Н Е Д О П И С А Н Н О Е

Чего только не бывало на нашем веку. Жили без телефонов, без электричества, без моторов, без радио, без витаминов, без джаза... О воздушном сообщении не помышляли. Впрочем даже Фох уже не так давно не признавал военного значения аэропланов. Наполеон стверг пароход. Французская Академия обозвала Эдисоновский фонограф "уловкой шарлатана". А лорд Брум попросту выразился против значения пара. Странны такие страницы недавней истории. Предрассудки жили прочно, да и по сейчас живут, прикрываясь иностранными словечками. Историю учили по Иловайскому. Запомнили, что история мидян темна и непонятна и что Катон умер при щебетании птиц. По географии не успели пройти Сибирь, но зато заучивали многие иностранные фабрики. В сельских школах со слезами зубрили о пассатах и мусонах, но географию родины знали слабо. Пережили стлучение Толстого от церкви. И такое бывало. Присутствовали при изгнании Куинджи из Академии. Всего было. На нашем веку Достоевский в остроге сидел. Вот и такое было. Врубель погибал в нищете... Страшно умирал Некрасов... Вот, несмотря на послов и на всякие резолюции, у всех на глазах американская таможня продала с торга восемьсот русских картин. А вот еще памятный случай о пожаловании Нового Адмиралтейства Обществу поощрения художеств. Общество нуждалось в помещении и в. князь Петр Николаевич решил просить Императора о пожаловании или места или дома для разрастающихся нужд Общества. После доклада приезжает ко мне веселый: "Государь Император пожаловал Обществу Новое Адмиралтейство!" Я так и онемел и почувал беду. "Вы кажется не рады?", спрашивает Петр Николаевич. "Рад-то я рад, но предвижу хлопоты с Морским Ведомством". "Но ведь это высочайшее повеление". Написали мы Морскому Министру и получили отповедь. Об этом эпизоде больше и речи не было. Покойный Д.В. Григорович был неиссякаемый кладезь всяких бытовых эпизодов. Жаль, что ему не пришлось оставить свои дневники. Жаль, что и Вагнер (Кот Мурлыка) не записал своих встреч с Достоевским, с Некрасовым и Аксаковым. Приходилось слышать от П.Н. Вагнера о любопытных психологических наблюдениях Достоевского. Очень славно говорил он о русском народе. Часть этих замечательных мыслей вошла в "Дневник писателя". О Менделееве тоже не записано, а когда-нибудь об этом пожалеют. Незабываемая

40

повесть о нежелании Академии Наук избрать Менделеева в члены
тсже должна быть освещена. Уход группы Крамского из Академии
Художеств не запечатлен достаточно. Скучно рассказано о Боро-
дине и о Римском-Корсакове. Неужели ждать каких-то юбилеев,
когда многое позабудется?! Видали, как спешно перерываются
архивы накануне годовщин. Костомаров, Кавелин, Ключевский,
мало ли кто не были рассказаны. Наверно крылатые мысли, бро-
шенные в беседах, особенно осветили бы этих замечательных
русских деятелей. Постоянно всплывают давно слышанные памятки.
И не только печальные, но и счень бодрые и радостные. Где же
собраться их записать? А сегодня 24 Марта - день-то какой!

24-Марта 1940 г.

ВСТРЕЧИ

Дорогой друг, в вашем Апрельском письме Вы спрашиваете о моей переписке с Нижинским, Стравинским, Матерлинком, Мясным... Увы, мои архивы не со мной и многое, может быть, вообще не существует. Нынешний Армагеддон тоже не будет способствовать сохранности архивов. Архив до 1916 года остался в доме Общества поощрения художеств, где мы жили. Затем кое-что осталось в Прибалтике, в Америке, даже в Китайском Туркестане и даже в Тибете, когда погибал наш караван. В глубинах Азии остались и несколько картин и эскизов. Люди, у которых они находились, уже оказались где-то на новых местах. Кто и как за пятнадцать лет разберется в этих путевых вехах? За это время вы спокойно жили под Парижем и, конечно, вам кажется, что и у нас все архивы в добром порядке. Но когда смотрю на сундуки и ягтаны, то встает в памяти, как они передвигались и на верблюдах и на конях и на яках. Выдержки из писем Тагера, Леонида Андреева, Бориса Григорьева, Бенуа, Судейкина вы уже имеете. Пишут, что Судейкин недавно предлагал свое сотрудничество с нашей Академией в Нью-Йорке. Боюсь, что письма Стасова, Горького, Григоровича, Репина не сохранились.

Матерлинк очень сердечно отзывался на наш Пакт. "Соберем вокруг этого благородного движения все наши моральные силы, которыми мы можем располагать" - сказал Матерлинк. Я слышал, что он очень одобрял мои эскизы к "Принцессе Малэн", "Сестре Беатрисе", к "Пелеасу и Мелисанде", к "Слепым". К "Принцессе Малэн" было четырнадцать эскизов. Разлетелись по многим музеям - в Стокгольме, в Гельсингфорсе, в Москве, в Нью-Йорке, в Небраске... У Левинсона в Париже был один. Где он теперь? В Монографии 1916 года воспроизведены несколько, но первая картина не была вовремя снята. Много вещей не были сняты, а теперь и следов не найдешь. Все же из Монографии 1916 года и из книги Эрнста кое-что можно переснять. Бенуа особенно одобрял эти сюиты. Каждому отвечает что-либо ему присущее. Для меня Матерлинковская серия была не только театральными эскизами, не иллюстрациями, но вообще композициями на темы, мне очень близкие. Хотелось в них дать целую тональную симфонию. У Матерлинка много синих, фиолетовых, пурпурных аккордов и все это мне особенно отвечает. Посещение Фландрии и несравненного Брюгге мне дало глубокие настроения, подтвердившие образы, уже ранее

возникшие во мне. Столько всегда грезились. Когда зять и ученик Римского-Корсакова Штейнберг писал музыку для "Сестры Беатрисы", я просил его построить вступление на теме старинного Карильона в Брюгге. Оно очень хорошо у него вышло. Что творится сейчас в Брюгге? Цел ли наш Музей? Из Праги сообщали, что там музей цел.

Вот и серия "Пер Гюнта" давно уже выросла в мечтах. Когда Станиславский предлагал мне поехать в Норвегию перед постановкой "Пер Гюнта", я сказал: "Раньше сделаю все эскизы, а уже потом съезжу". Артисты Художественного театра поехали в Норвегию, а после подтвердили, что мои настроения были правильны. Мне хотелось уберечься от всякой этнографии и дать общечеловеческую трагедию. Странно, почему-то не пришлось ничего делать на Шекспировские и Гетевские темы, а ведь столько заманчивого, величественного.

Эпiku великих народных движений я дал в "Весне Священной", и в либретто и в декорации. Для первой и второй картины были особые декорации, но ради удешевления оба акта ставились в первой декорации. Уж это удешевление! А вторая декорация была нужна. В ней всю сцену занимало ночное небо, на котором разматалась косматая туча в виде гигантской головы. В Монографии 1916 года она была воспроизведена в красках. Вы пишете, что Мясин искажил мое либретто в американской постановке. Мясина знаю мало. Не знаю о либретто, ибо на репетиции и на представлении я не был — спешил в Лондон. Тогда Мясин преподавал балетные танцы в нашем Институте Объединенных Искусств. Все может быть, ведь и Стравинский теперь уверяет, что за десять лет до моей идеи "Весны Священной" видел ее во сне.

В экспедициях, в разъездах невозможно следить за всякими печатными изречениями. Иногда через много лет случайно доходят перлы выдумки. Ведь меня уже три раза похоронили и приходилось говорить подобно Марку Твену, что это сведение сильно преувеличено. С Большом я встречался в двух постановках — в "Половецких плясках" и затем в "Снегурочке" в Чикагской Опере. Всегда он относился внимательно и старался принять во внимание все соображения. С Фокиным несколько раз хотели сотрудничать, но обстоятельства всегда мешали. Он написал отличную статью по поводу моей выставки в Копенгагене. Не забудется смелое обновление русского балета, данное Фокиным. С Нижинским были встречи и добрые встречи. В них всегда участвовал Дягилев. Хвалю Лифаря

43

за выставку в Лувре, посвященную Дягилеву. Жаль, что там был лишь один мой эскиз к "Половецким пляскам" из Музея Виктории и Альберта. Конечно, в Гималаях не услышишь обо всем, что творится по миру. Декорация к Половецким пляскам в 1906 году в Париже дала мне много друзей. Основной эскиз декорации был приобретен Серовым для московской Третьяковской галереи. Варианты в Викториа Альберт и Музее Детройта. Из Дягилевской постановки в Париже "Князя Игоря" два эпизода незабываемы. Первый - дружба с Саниным. Очень ценю этого режиссера. Даже в опере ему удалось передать жизнь народных масс и избежать всякой условщины. Славный, душевный человек. Второй эпизод - костюм хана Кончака для Шаляпина. Труден был Федор Иванович. Никогда не знаешь, к чему придерется. Груб был, но ко мне всегда относился ласково. Оценил мой скифо-монгольский костюм. Умел и надеть его.

После успеха Игоря с Половецкими плясками и удачных выставок Бенуа назвал мои выступления "барсовыми прыжками". При давнишней враждебности Бенуа ко мне такой отзыв был верхом похвалы. "Монтекки и Капулетти" - так называли многие клан Бенуа и наши группы. Одно могу сказать, что не от меня шла эта рознь. Много раз я пытался водворить мир. Миротворчество всегда было в моей природе. Раздор для меня ствратителен.

Вы правы, что "Снегурочка", как и все творчество Римского-Корсакова, мне близка. Сколько замечательного мог еще дать Николай Андреевич, ведь его последние вещи - "Салтан", "Золотой Петушок" и "Град Китеж" шли в восходящем аккорде. "Салтана" мне хотелось дать в Индийской гамме. Сама сказка имеет восточную канву, а кроме того в то время мы уже мечтали об отъезде в Индию. Бичам и Дягилев очень хвалили эскизы к "Салтану" и только банкротство Бичама помешали этой постановке в "Ковент-Гарден". Той же участи подвергся и "Садко", а мне его хотелось сделать. Палаты Садко, Новгородская пристань Корабля - все это мне так знакомо. Теперь эти эскизы разлетелись и никогда не сойдутся вместе. Что в Калифорнии, что в Нью-Йорке, что в Буэнос-Айресе. Корабль Садко был у сэра Хагберг Райта в Лондоне. Жаль, хороший, культурный человек он был. Какое множество полезных деятелей померло за последние годы. Вот и Брайкевич умер. Хороший был собиратель. У него был Серовский портрет Елены Ивановны. Куда пойдет его собрание? Где осталась моя "Сеча при Керженце" и Серовское панно, сделанные для Дягилева. Не съели ли мыши?

49

Рад слышать, что Лиао полюбил мою Настасью Микуличну. В красках она лучше — вся на огненном облаке. Видимость ее немножко азийская. Но ведь и богатые князя Владимира и восточные бстадурь тоже не далеки друг от друга. Сейчас у меня три китайских картины. "Китай" — воин на башне великой стены. "Победные стни" — дозорные стни на башнях гобийских. "Приданое княжны" — караван везет Будду. Это все тоже понравилось бы Лиао. Жалею, не имею снимка с последней картины "Весть от Гималаев". Ладья в предутреннем тумане удалась. Есть тишина и дальние горы светятся. И еще вам был бы близок "Ярослав Мудрый" (для мозаики). Если бы появилась опера, посвященная этому строителю Киева — то эта сцена в верхнем тереме очень пригодилась бы. Помните, три дочери Ярослава были королевами Европы. Одна — за королем Франции, другая — за конунгом Скандинавским и третья — за королем Венгрии! Вот как! Летопись отмечает про Ярослава "заложил Ярослав град великий Киев, в нем же Золотые Врата"... Вот бы фильму поставить. Имели огромный успех фильмы: "Александр Невский" и "Петр Великий". Киевская Русь тоже могла бы дать отличный сюжет. Палаты были может быть лучше палат Рогеров в Сицилии. Все это надо знать!

Вы спрашиваете, нет ли здесь у меня либретто "Весны Священной"? Конечно, нет, как и многого другого. И где это многое осталось? Ведь живем мы на границе Тибета. За двенадцать миль от нас последняя почтовая станция. Сейчас почта стала очень странной, как и все в дни Армагеддона. И год-то со-роковой!

Гималаи.

24 Мая 1940 г.

НЕЗАПИСАННАЯ ПОВЕСТЬ

"Эпизод из незаписанной повести". Эта книга Клода Брегдона имеет много друзей. В разных частях света ее читают. Кое-кто мог бы при бавить к упомянутым эпизодам и еще не малое, тоже не записанное. Подчас целый смысл жизни заключается в таких фактах, которые по старинному выражению "ни пером описать, ни словом сказать". Говорится, что когда-то такие знания передавались изустно одному избранному, доверенному. Но ведь этих доверенных никто не знает. Они не объявляют себя и ничем не выдадут своих приобретений. Они не принадлежат к тайным обществам, которых так боятся люди. Они не своекорыстны. Они не спешат найти последователей.

Незаписанные эпизоды происходят вне календарных сроков, вне бытовых рассуждений и вычислений. Они так же не учитываются, как пространственные токи, о которых наука знает еще так мало. Но не мало незаписанных эпизодов в жизни человеческой. Можно иногда разбудить дремлющее сознание и тогда встает образ многозначительный. И человек сам удивлен, почему не сложил он ранее ценные части мозаики светоносной. Записанные эпизоды сложатся на почтенную полку библиотеки, а незаписанные останутся, как искры во тьме. И навсегда украсится жизнь такими негаснущими пламенами. Откуда вспыхивают они? Кто призвал их? Кто велел осветить ими тусклый быт земной?

Мир переполняется книгами, но число незаписанных повестей возрастает. Когда-то их не записывали из внутренних, глубоких побуждений, а теперь частенько их стыдятся и замалчивают из трусости. Уж очень боятся люди, чтобы невежды их не засмеяли. Ухмылянье невежества, конечно, противно, но ведь и это надо прейти. Понятно, что незаписанные повести умножаются, ибо и наука постепенно и робко проникает в великое неизвестное. Если для простого химического опыта нужны особые условия, то в областях тонких, психических, особые условия чрезвычайны. Мало изучены сердце и мозг. Люди не желают задумываться о химизме пространственных токов. Самые чуткие переживания игнорируются и попадают в хранилища незаписанных повестей. Спасибо тому, кто напоминает об этих тайниках, о вехах, преображающих жизнь человека.

I Декабря 1941 г.

В М О С К В У

Дорогой мой Боря, с Новым, с победным годом! Так и не знаем, дошли ли до Тебя два наших письма и телеграмма? Было еще письмо Нестерову, посланное через Тебя. За последние годы по разным обстоятельствам я писал Щусеву, Рылову, Грабарю, Бродскому, Фролову, Молотову, Потемкину, Майскому, в Академию Художеств, в Комитет по делам искусства, Председателю Верховного Совета, в Художественный театр... Ответы и при том добрые получились лишь от Бродского и от Майского. Вчера я послал Тебе новогодний номер здешнего журнала "Новости Советского Союза". Журнал начал выходить в Дели с Ноября и сразу был всюду встречен огромным успехом. Номера все немедленно расхватали, даже нельзя было выполнить заказы из Ирана, Египта. Теперь очень трудно с бумагой, а то тираж мог бы сразу утроиться. Интерес и сочувствие везде. В будущем пойдет в красках моя картина "Партизаны" или "Весть Тирону воину". Вероятно в Дели состоится в Феврале наша выставка в пользу военного фонда - все пойдет русскому воинству. Каждый должен принести и средства и знания и труд во славу Родины. Прекрасно говорит Алексей Толстой, - недавно слушали его "Разгневанную Россию" и "Славу". Воистину Слава! Радовались и Щусеву за его радиосообщение о восстановлении "Нового Иерусалима" и города отдыха на Истре. Велико строительство русского народа! Представь себе, как мы сидим около радио и радуемся. Всегда мы верили в Русскую мощь, так оно и есть. А ведь сколько мне доставалось за мою русскость от Бенуа и всяких таких "версальцев"! Не понимали они русское величие и красоту нашей Родины. Все ли наши письма дошли? Когда получим Твой ответ? В Нью-Йорке образовалась А Р К А (Амер. Рус. Культур. Ассоциация) - выбрали меня Почетным Президентом. Много сочувствия, подошли хорошие деятели. Не встречал ли Ты профессора Кирхенштейна, латвийского председателя? Он написал в нашем рижском сборнике "Мысль" в 1939 году отличную статью о русской агрикультуре, судя по радио, он сейчас в Москве.

Сердечный привет от всех нас Вам и всем друзьям.

9 Января 1943 г.

47

А Р К А

Прилетело письмо от Зины от 27 ноября. Радует успеху АРКА. Бережно храните это полезнейшее начинание. Сочувствие таких крупнейших ученых как Комптон, Милликен и др. ценно и показательно. Будем рады получить номер Новоселья, посвященный АРКА. Какую мою статью взяли? У Вас была "В грозе и молнии" и "Чайка". Нужно наладить с московским обществом культурной связи. Впрочем, Вы вероятно уже связались и с Посольством. То же и Комитет по делам искусства и Художественный театр. Помните, как мы его приветствовали! На днях послали Вам новогодний номер "Новости Советского Союза". Надеемся, он дойдет. Покажите его всем друзьям. Радостно видеть, как всюду, на разных концах мира приветствуется Русская Земля, Русский Народ. Претворяется уже давно сказанное. Много пришлось вынести за веру в русское дело. В конце концов и Хоршевские мерзости кроме грабительства были ни что иное, как их глубокая ненависть против всего русского. Какая же могла быть созидательная культурная работа, если в подвале была заложена ненависть?! Но вот Вы и все друзья АРКА могут доказать всю благодетельность культурного единения, сотрудничества. Превыше всех подразделений стоит единая всечеловеческая Культура. Мои листы с культуре обошли многие здешние журналы и привлекли многие сердца. Вот сейчас журнал молодежи "Комрад" хорошо откликается. Пусть и АРКА привлечет молодые сердца. Непременно пусть привлечет и согреет. Если АРКА близка широким массам, то следует это использовать во благо, не откладывая. Постарайтесь достать текст лекции Ватсона и пришлите нам. Мы очень радовались приливу бодрости, который звучал в Вашем письме 27 ноября. Не допускайте уныния, оно пожирает лучшие возможности. У всех бывают трудные дни, но ведь это только дни, а магнит бодрости привлечет и новые решения. Вот Дедлей поехал в утомительное, рабочее турне, но зато сколько оповещений об АРКА он разбрасывает по своему пути. Вы пишете о спросе на монографию. Таких спросов немало и жаль, что мы не можем удовлетворить их. Может быть, в начале казалось - куда и как разойдутся дорогие книги, но при этом забывалось, что кадры потребителей растут. Молодые студенты становятся деятелями. Словом, время работает и не медлит. Так и спешите и действуйте во имя светлого будущего. В добрый час! Сердечный привет друзьям.

14 Января 1943 г.

ШЕПТУНЫ

Вы одобрили мою "Похвалу врагам". Поистинне можно похвалить врагов открытых. С ними идет сильная шахматная игра. Но не забудем и подлого шептуна. С этим гадом неведомо, каким оружием бороться. "Уисперинг кампейнъ" - теперь так принято на Западе.

Кто он? Откуда взялся? Что ему нужно? Шепчет что-то подлое, а что именно, и не разобрать. Шелестит, как ехидна в сухой траве. И не всегда в свою пользу старается злошепнуть. Как верный слугитель зла, неумоимо сеет он свои плевелы. Старается изо всех сил. Нередко ему же и нагорит за его клевету предательскую. Но скользкая шкура у него змеиная. Обернется, перевернется и снова полезет в своем мерзком походе. Захлебывается в своих выдумках. Даже не заботится о правдоподобии. Наставники шептуна давно предписали: "Клевещите, клеvещите всегда, что-нибудь останется". Как ухватить мерзкую ехидну? Как расслышать шелест злошептунов?

Лишь редко друзья распознают паутину зла и принесут запяточку, собственную расписку злошептуна. Тогда сможете одернуть выдумщика. Напишите ему доброе письмо по какому-то поводу. Он-то и разнежится и роспишет вам дифирамб. Сличите его с его же писанием, и еще один шепст ехиднин будет временно выявлен.

Конечно, сорняки размножаются быстро. Ботаник и агроном скажет, как трудна борьба с ними. Да и вредители насекомые и животные тоже не дремлют. Точь-в-точь как злошептатели. Когда засыпает человечество, они вылезают на свою мерзкую работу. Не думайте, что злошептания менее вредны, нежели открытые вражеские нападения. Иной раз безгласное, безликое нашептывание вреднее самых ожесточенных сражений. Ученые читают наставления о борьбе с разными вредителями и сорняками. Пусть ученые преподадут, как бороться с вредительскими злошептаниями. От них сохнет сад человеческий.

Да, да, клевета есть убийство психическое. Клевета должна быть судима наравне с физическим убийством.

8 Августа 1943 г.

49

А. А. ИГНАТЬЕВ

"ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ В СТРОЮ"

"Из тьмы веков, через голову извечного общего врага, тянулись нити непонятной взаимной симпатии между Россией и Францией — странами, столь отличными и по своему характеру и по своей исторической судьбе.

Когда в мировую войну германские полчища вторглись во Францию и приближались к древнему городу Реймсу, угрожая чуду архитектуры — Реймскому собору, я просил французов спасти хранившийся там драгоценный памятник русской письменности — евангелие на славянском языке XI века нашей эры.

История этого рукописного документа такова: колыбель русской культуры — Киев, стал уже в эту эпоху известен Европе, с ним начали считаться, и французский король Генрих I испросил себе в супруги дочь киевского князя Ярослава — Анну. Сделавшись французской королевой, она принесла присягу, положив руку на евангелие, привезенное из Киева. С тех пор все французские королевы приносили присягу на верность Франции на том же русском документе.

стр. 146.

Не меньшим успехом пользовался в предвоенном Париже и русский балет. Он был, однако, совершенно отличен от традиционного балета Мариинского театра. Для заграницы надо было создать нечто артистически целое: танцы, наглядно отображающие музыкальный замысел автора, танцы, пластическая экспрессия идет в унисон с музыкой. Пионером в этом новом жанре хореографического искусства выступил Дягилев. Сын кавалергардского офицера, по началу только талантливый дилетант, он быстро достиг высокой эрудиции в области искусств и сумел составить свою труппу из таких первоклассных артистов как Павлова, Карсавина и неподражаемый Нижинский. В России места для этого новатора не нашлось. Консервативный императорский балет не мог примириться с революцией в театральном искусстве. Исползованная Дягилевым музыка Римского-Корсакова, Черепнина, Прокофьева, Стравинского требовала новых, полных смелой оригинальности постановок, декораций Бакста, Рериха, Бенуа и не только классических танцоров, но и высоко талантливых исполнителей. Париж ахнул, Париж потерял голову: в России — темная реакция, а в Париже — (русские балеты), представляющие для искусства дерзкий отрыв от прошлого и смелый прыжок к новому и неизвестному".

стр. 156-157.

8 Февраля 1944 года.

Н Е Б О Л Е Й!

"Не болей! Придется для Родины много потрудиться.

Вот уже более полвека это напутствие звучит. Так ясно помню залы Академии и густую толпу народа. Он все же увидел и через головы властно приказал. Он умел мощно послать благой приказ.

Вот и трудимся. Все мы трудимся именно для нашей любимой Родины. Знаем, что такие труды не по сердцу многим, не любящим Народ Русский. Не мало претерпели мы всяческих козней. Но ведь и враги полезны. Они — как точило для меча. А то чего доброго еще заржавеет оружие.

И болезней за полвека было немало. Пугали тяжелым исходом, но приказ звучал и воля не ослабевала. А сколько опасностей было пройдено. И тонули и замерзали — чего только не было. Но воля не ослабела. А сколько клеветы и вражеских подвопов, ограблений, но воля не слабела. Шли трудными перевалами. Иногда казалось, что уже не взойти выше, но высота оказывалась преодоленной. Иногда на узком карнизе над пропастью скала словно бы отталкивала от себя, но все же шли и карниз оставался позади. Кружилась голова в реке с быстро мчавшимися льдинами, но смотрели поверх в спасительную даль.

На всех путях встречались добрые люди. Сами подходили — добром поминаем. В странах, претерпевших от нашествия, живы ли друзья? Приведем им! В Праге на картине "Св.Сергий" была надпись: "Дано Преподобному Сергию трижды спасти Землю Русскую. При князе Дмитрие, при Минине и Псжарском и теперь". Перед самым нашествием друзья сокрыли эту надпись и в последнем письме известили об этом сокрытии. Теперь скоро откроют, если только вообще что-либо уцелело от вандалов. Сергиевы иконы в Чехословакии, в Югославии, в Америке, в Индии.

Отстоял Народ Русский и свою Землю и земли многих народов. Славянское братство, еще недавно забытое, опять ожило. Не болей. Превозмогай, чтобы увидеть дни великие. Да будет!

9 Октября 1944 г.